

Тетяна Яковлева

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕТМАНЩИНЫ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Віктор Горобець. *Еліта козацької України в пошуках політичної легітимації: стосунки з Москвою та Варшавою*. – К.: Інститут історії НАН України, 2001. – 533 с.

В. М. Горобець. *Проблема легітимації еліти козацької України в зовнішньо-політичній діяльності Гетьманату: стосунки з Росією та Річчю Посполитою (1654-1665 рр.)*. Автореферат дис. ... доктора історичних наук. – К., 2002. – 34 с.

Выход в свет монографии Виктора Горобца, охватывающей период 1654-1665 годов, стал второй попыткой осветить в одной работе события с первых лет существования Гетманщины до ее Руины (первым за недавнее время такую книгу издал Михаил Пасичник; о скандальной спорности ее подлинного авторства см.: УГО. – 2000, вып. 6. – С. 195-203). Попытка эта, безусловно, отважная: не просто огромный материал десятилетних коллизий ограничить рамками единой монографии. Но, с другой стороны, она объективно необходима, так как 60-е годы XVII в. остаются по-прежнему белым пятном в истории Гетманщины, а изучение их в отрыве от реалий 50-х годов обречено на неудачу.

Вопросы, которые будут подняты в данной рецензии – это насколько удачной оказалась данная попытка Виктора Горобца, насколько книга отвечает заявленным в названии задачам, является ли она «новым словом» в истории Гетманщины и насколько корректно с точки зрения причинно-следственной связи она выдержана? Рас-

смамливая монографію, я буду також ссылаться на автореферат докторской диссертации Автора, содержащий краткое изложение его книги.

Первым в этом ряду является вопрос, кого Виктор Горобец считает «казацкой элитой»? Вопрос не праздный, так как широко известно существование в Гетманщине различных старшинских группировок, каждая из которых преследовала свои цели и имела различные представления о средствах их достижения. Насколько можно понять, речь идет о «политической» элите, то есть о той части старшины, которая имела доступ к управлению (а не о военной, интеллектуальной, духовной или финансовой элитах). Но как раз поэтому остается посетовать, что Автор ни единым словом не оговорил в своей книге рамки «элиты», или что именно (точнее – кого именно) он охватывает этим понятием. Идет ли речь об Иване Выговском, или Иване Брюховецком, или о всех вместе взятых? Таким же слабым местом в работе является отсутствие ссылок на разные взгляды, существовавшие среди казацкой старшины. Ведь каждый из рассматриваемых в книге договоров был результатом деятельности конкретной политической группы, и каждая из них либо имела собственные представления об интересах Гетманщины, либо вообще о таковых не задумывалась, заботясь лишь о собственном благе. (Наведу только один из множества примеров: так и остается непонятным из рецензируемой работы – что же послужило причиной изменения политики Юрия Хмельницкого в 1660 году. Виктор Горобец считает одним из главных факторов неудачную военную кампанию русских, в то время как польские источники и язвительное письмо самого гетмана к В. Б. Шереметьеву доказывают, что Юрий умышленно не пришел на помощь русскому воеводе). В результате, мы имеем голые факты отдельных соглашений и забываем о предыстории их возникновения и причинах изменения политического курса. Такой метод

рассмотрения генезиса договоров тоже возможен, но в этом случае ссылка на «казацкую элиту», вынесенная в заглавие книги, представляется неуместной.

Вообще форма монографии вызывает много нареканий. В своем автореферате Виктор Горобец указывает, что опирался на работы итальянского и российского социологов. Но с точки зрения исторической науки его монография осталась где-то посередине между историографическим, текстологическим и фактологическим исследованием (если, конечно, книга претендует на роль самостоятельного исследования). Сам Автор признает, что в уточнении фактологии событий его вкладом является лишь введение в научный оборот документов деятельности Павла Тетери (с. 5 автореферата), однако и эти документы, по сути, не вносят ничего принципиально нового по сравнению с опубликованными в *«Памятниках»* Киевской археографической комиссии.

Опираясь в большей части своей работы на исследования предшественников, но не проводя их полного анализа, Виктор Горобец акцентирует свое внимание не на взаимоотношениях старшины, а на генезисе договоров. При этом, особенно во второй части книги, он зачастую переходит к фактологическому изложению событий. Именно эта нечеткость в выборе жанра монографии составляет один из главных недостатков работы.

На самом деле монографию следовало бы разделить на две части – 1654-1659 и 1660-1665 годы. Дело в том, что события конца 50-х годов, так называемое начало Руины, достаточно хорошо исследованы. Главы книги, посвященные этому периоду, пестрят ссылками на работы Михаила Грушевского, Людвика Кубали, Татьяны Яковлевой. Круг же реально использованных Автором источников по истории 50-х годов (именно использованных, на которые имеются ссылки – а не оговоренных в предисловии) весьма узок: в основном это *«Акты ЮЗР»*, *«Архив*

ЮЗР», «Документи Богдана Хмельницького». Ссылки на архив РГАДА поданы по Михаилу Грушевскому (с. 482, 486 и др.) и по моей работе (с. 479 и др); цитаты из сборников «*Monumenta Hungariae Historica*», «*Transsylvania et bellum boreo-orientale*» и «*Litterae Nuntiorum*» тоже повторяют приведенные в указанных работах. С другой стороны – вообще не использованы документы ценнейшего сборника (кстати, опубликованного уже после подготовки к печати моей монографии) – «*Materiali do istorii kozachchini XVII viku. Vasyl Gerasymchuk: zhyttia i tvorčist'ь*» (Львів, 1994).

Таким образом, новых источников по истории 50-х годов Виктором Горобцом привлечено не было, а узость его источниковой базы не позволяет ему фундаментально полемизировать с работами предшественников.

Что касается периода 1660-1665 гг, не охваченного Михаилом Грушевским в «*Istorii Ukraїni-Rusi*» и до сих пор почти не исследованного историками, то здесь безусловной заслугой Автора является привлечение ряда документов из польских архивов. Однако, к сожалению, и тут есть недоразумения. Так, Виктор Горобец не упоминает, что цитируемая им по Archiwum Branickich z Suchej инструкция казацким послам на сейм 1661 г. была введена в научный оборот по хранящейся в Петербурге копии и проанализирована в одной из моих статей¹. Ссылки на РГАДА (замечу: этот архив уже давно не называется ЦГАДА, как именует его Автор) повторяют цитаты, приведенные в работах Екатерины Стецок и Михаила Марченко². Но особенно большим недостатком является неиспользование ценнейших источников по истории Гетманщины (и в частности – политики старшины, включая «Черную раду»), опубликованных Николаем Петровским и Львом Окиншевичем в приложениях к их работам³. Не менее ценным, однако не задействованным в работе, источником является дневник Яна Храповицкого, опубликованный в

Польше в 1981-1988 гг., а также более ранние, но бесценные по своим данным издания И. Зеленевицкого «*Memorabilis victoria de Szeremetho*» и «*Extract eine gewissen Schreibens von hoher Hand aus Krakay den 20 November 1666*», где содержатся редчайшие сведения о сношениях Ивана Выговского с татарами. Нет ссылок и на «Реестр казацких дел» (каталог польских документов, в большей части утраченных), а также не используются «*Litterae Nuntiorum*» – с огромным фактическим материалом о сношениях казацкой старшины с Речью Посполитой.

Такое неполное привлечение источников было бы возможно лишь при наличии базового глубокого исследования, сделанного предшественниками. В противном случае каждая очередная попытка обречена на фактические ошибки и поверхностность. Это тем более важно, поскольку основные работы, на которые опирается Виктор Горобец при изложении событий 1660-х гг. – Виталия Эйнгорна, Николая Костомарова, Геннадия Карпова, при всем уважении к великим историкам, за прошедшие 150-200 лет со времени их издания значительно устарели и с точки зрения концептуальной, и с точки зрения источниковедческой.

Возникает еще один вопрос, ответа на который в книге не находим: почему исследование ограничено рамками 1654-1665 годов? Точнее, почему крайней точкой выбран именно 1665 год? Автор никак не объясняет свой выбор, а между тем гораздо логичнее, как представляется, было бы закончить исследование 1667-м годом, то есть Андрусовским договором. Именно тогда завершается диалектический круг русско-украинских взаимоотношений (от де-факто военного русско-украинского союза против Польши – до русско-польского союза против Гетманщины), а также заключается украино-крымский союз Петра Дорошенко.

Трудности изучения 1660-х (связанные прежде всего с наличием огромного числа «белых пятен») проявля-

ются в книге и во многих нарушениях причинно-следственных связей. Так, главный фактор политической жизни Речи Посполитой указанного периода – череда конфедераций, включая рокош Ежи Любомирского – не находит должного отражения в рецензируемой работе, отчего становится неясной позиция польского двора в отношениях с Гетманщиной. Точно также не прослежена история продолжавшихся с конца 1650-х гг. русско-польских мирных переговоров и факт коренного изменения позиции Москвы по отношению к Украине после Чудновского разгрома (отказ от Правобережья и готовность к полному отказу от украинских территорий). Между тем, без истории русско-польских переговоров невозможно объяснить события на Левобережье в последующее десятилетие. Наконец, в книге вообще не нашло отражения нарастание влияние крымского фактора в рассматриваемый период. В итоге неясно, почему результатом генезиса украино-русских и украино-польских соглашений стал союз Украины с Крымом. Между тем договор Петра Дорошенко был на самом деле лишь воплощением в жизнь модели, подготовленной за два года до этого Иваном Выговским.

Изложение событий 1660-х гг. изобилует и наличием фактических неточностей. Приведу некоторые примеры. Так, из книги следует, что Василь Золотаренко принимал участие в Чудновском походе (с. 239), хотя в действительности он так и не объединился с русскими, занимая выжидательную позицию. Весьма спорным представляется описание положения казацкого лагеря под Слободищем, а факт присутствия персон non grata по Переяславскому договору 1659 года (в частности, Григория Лесницкого), то есть прямое нарушение статей Юрием еще до начала битвы, Автор вообще не отмечает. Следом за Ярославом Дашкевичем⁴, Виктор Горобец высказывает ошибочное мнение о прибытии Павла Тетери в Украину в марте 1665 г. (с. 328), тогда как документы, опубликованные Никодем Пе-

тровским и Львом Окиншевичем, доказывают правомерность сентябрьской даты. Неполное знание источников приводит и к следующему заявлению: *Питання стосовно точної дати зречення Хмельницьким гетьманства та сходження на політичний Олімп... Павла Тетері – в історичній літературі й досі залишається дискусійним* (с. 337). Между тем отписки Федора Лодыженского, Григория Ромодановского, письмо Ивана Сирко и реляция Яна Свидерского подають точную дату – 11-12 января 1663 г. (по н.ст.). Ссылки при описании «Черной рады» на Костомарова, Карпова и Востокова (с. 515) явно недостаточны, так как в распоряжении этих историков не было одного из важнейших источников – отписки Д. С. Великого-Гагина, опубликованной только Львом Окиншевичем.

Видимо, в круг «казацкой элиты», как ее очерчивает Виктор Горобец, не попадают участники старшинского заговора 1664 г. (во главе с Иваном Выговским, Иваном Богуном, Юрием Хмельницким и др.), стремившиеся изменить курс политики Павла Тетери, равно как и участники «змови Децика» 1665 г. (включая Дрозда и Опару), которые выступали против политики Ивана Брюховецкого. Обе эти акции имели целью объединение Гетманщины под единым гетманом и являются ключевыми для понимания политических идеалов казацкой старшины 60-х годов. Тем более, что в той или иной роли в обеих акциях принимал участие Петр Дорошенко. Приходится только сожалеть, что эти сюжеты не нашли отражения в рецензируемой работе.

Весьма спорным представляется и авторская концепция событий на Левобережье после Чудновской битвы 1660 года. В частности, Виктор Горобец пишет: *... конфлікти і непорозуміння в ході вимушеного [так ли? – Т. Я.] переходу Ю. Хмельницького на бік польського короля під Чудновом, реваншистські заяви та дії польської шляхти та фактор збереження військової присутності Москви на Лівобе-*

режжі та в Києві не дозволили гетьманському уряду зберегти контроль над усією козацькою Україною (с. 19-20 автореферата). Учитывая панику, царившую в Москве, роль ее военного присутствия на Левобережье в этот момент была ничтожной. А вот позиция наказного гетмана Якима Сомко и контролировавшего северские земли Василия Золотаренко, которые увидели в происшедшем возможность получить заветную булаву, действительно сыграли ведущую роль.

Не менее спорно и следующее утверждение: *Значна частина лівобережного козацтва, мало пов'язана генетично з традиціями політичного життя Речі Посполитої, але така, що мала серйозні соціально-економічні, майнові конфлікти зі шляхтою, з осені 1660 р. почала демонструвати наявність у своєму середовищі стійких тенденцій політичного сепаратизму* (с. 20 автореферата). Не совсем ясно, имущественные конфликты с какой шляхтой имеются в виду: польской, литовской, украинской? И почему шурина Богдана Хмельницкого Василь Золотаренко должен был иметь меньшие интересы в Гетманате, чем его брат Иван, основоположник белорусской политики Гетманщины? Яким Сомко был, конечно, в первую очередь богатым купцом, а потом уже казацким полковником. Но он был родным дядей Юрия и больше всего стремился к гетманской булаве. Вопрос этот очень серьезный и требует решения не в рамках рецензии. Однако позволю себе заметить, что Василь Золотаренко, проводивший смелую и независимую политику в белорусско-литовских землях и отстаивавший на русско-польских переговорах *тисма наши руские* на территории Великого княжества Литовского и в Короне, был гораздо более последовательным представителем интересов Гетманщины, чем, например, Павел Тетеря.

Подводя итог сказанному, хотелось бы подчеркнуть, что пути первопроходцев всегда тернисты. Книга Виктора Горобца лишний раз показала необходимость глу-

бокого и всестороннего изучения событий и процессов Гетманщины 60-х гг. XVII века. В данном случае, вероятно, более правомерно было бы либо ограничиться историографическим обзором проблемы, либо остановиться на текстологическом анализе рассматриваемых договоров – не обращаясь к сложной фактологической канве без достаточной источниковой базы. Либо, наконец, обратиться именно к вопросу о конкретной «казацкой элите» и попробовать найти ответ об авторстве и причинах возникновения того или иного договора. В этом случае работа была бы концептуально и структурно более выдержанной.

¹ Яковлева Т. *Украинская шляхта и государственная идея в годы освободительной войны // Національно-визвольна війна українського народу середини XVII століття.* – К., 1998. – С.131-141 та ін.

² Марченко М. *Борьба России и Польши за Украину.* – К., 1941.

³ Петровський М. *Нариси з історії України XVII – початку XVIII ст. // Досліди над літописом Самовидця.* – Харків, 1930; Окиншевич Л. *Генеральная Рада на Украине – Гетманщине XVII-XVIII в.* – К., 1929.

⁴ Дашкевич Я. *Павло Тетеря // Володарі гетьманської булави.* – К., 1995. – С. 254-284.